

ПОКРОВСКОЕ

«Село Покровское, на рѣкѣ на Озернѣ; а въ селѣ дворъ потчишиковъ, людей въ немъ 8 человекъ; дворъ за-дворнаго человека; два двора крестьянскихъ, въ нихъ 13 человекъ; 15 дворовъ бобыльскихъ, въ нихъ 42 человека.

Переписня Кита.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лиц., 28.

1891.

Vc 7 91

Перепи́сная Кнѣга

ПОКРОВСКОЕ

«Село Покровское, на рѣчкѣ на Озернѣ; а въ селѣ дворъ вотчинниковъ, людей въ немъ 8 человѣкъ; дворъ за-дворнаго человѣка; два двора крестьянскихъ, въ нихъ 13 человѣкъ; 15 дворовъ бобыльскихъ, въ нихъ 42 человѣка.

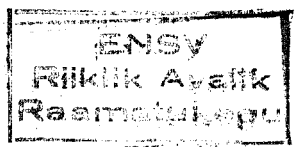
Перепи́сная Кнѣга.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1891.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 марта 1891 г.

Село Покровское перешло въ родъ Шереметевыхъ, какъ приданое жены Ѳедора Владиміровича Шереметева (внука Петра Васильевича, большого Шереметева), которая была Лопухина. Грамоты Лопухиныхъ и донинѣ сохраняются въ Покровскомъ. Преемственно перешло оно по наслѣдству Владиміру Ѳедоровичу Шереметеву, который, жилъ въ Уборахъ предоставивъ Покровское сыну своему Петру Владиміровичу. Портретъ послѣдняго, хорошей кисти Аргунова, донинѣ хранится въ семьѣ. Жепать онъ былъ на княжнѣ Голицыной. Послѣ него Покровское досталось сыну его Василию Петровичу, женатому на Надеждѣ Николаевнѣ Тютчевой († 1850 г.), а затѣмъ, единственному сыну ихъ—Алексѣю Василье-

вичу, женившемуся на своей троюродной сестрѣ Екатеринѣ Сергѣевнѣ Шереметевой. Овдовѣвъ въ 1857 году, тетупшка передала Покровское старшему своему сыну Василю Алексѣвичу. Почти безвыѣздно жила она въ Покровскомъ со дня своего замужества, прѣзжала только въ Москву для свиданія съ матерью. Въ 1862 году Василий Алексѣвичъ женился на Натальѣ Аванасьевнѣ Столпичной и также поселился въ Покровскомъ, гдѣ жилъ до глубокой осени. Съ того времени онъ оставилъ службу въ Кавалергардскомъ полку, и, будучи избранъ предводителемъ дворянства Рязскаго уѣзда, оставался имъ почти непрерывно до избранія въ Губернскіе Предводители въ 1883 году.

Покровское сдѣлалось средоточіемъ семьи и тогда уже многочисленной. Здѣсь жила тетупшка Екатерина Сергѣевна, окруженная дѣтьми и внуками въ простой и патриархальной обстановкѣ стараго быта. Сюда стекалась вся родня въ семейнымъ праздникамъ и преимущественно въ Покрову.

Храмовой праздникъ справлялся особенно торжественно и оживленно. Въ церковномъ склепѣ сельскаго храма въ Покровскомъ похороненъ Алексѣй Васильевичъ Шереметевъ и два сына его: Петръ и Борисъ. Здѣсь теперь рядомъ съ мужемъ погребена тетупка Екатерина Сергѣевна. Прочіе члены семьи похоронены въ монастырѣ св. Саввы Сторожевскаго.

Домъ въ Покровскомъ—каменный, красного кирпича, не оштукатуренный, съ желѣзной зеленой крышей безъ всякихъ архитектурныхъ затѣй. Построенъ онъ прочно и удобно. Строилъ его Алексѣй Васильевичъ очень долго и скончался вскорѣ по переѣздѣ въ новый домъ, построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ старый домъ его отца. Комнаты просторны, высоки и очень удобны. Въ верхнемъ этажѣ корридоръ раздѣляетъ обѣ половины такъ, что образуетъ нѣсколько отдѣльныхъ помѣщеній, другъ другу не мѣшающихъ. Въ нижнемъ этажѣ: передняя съ тройною дверью и боковушами; большая столовая, билліардная, просторная гостинная, кабинетъ Василя Алексѣевича, его

спальня и кабинетъ жены, послѣдніе совершенно отдѣльно за темнымъ корридоромъ, раздѣляющимъ половину зданія. Тутъ же и двѣ комнаты, въ которыхъ постоянно жила тетюшка съ меньшою дочерью. Старшая ея дочь Варвара Алексѣевна была замужемъ за графомъ Мусинимъ-Пушкинымъ; у нея осталось трое дѣтей. Вторая дочь Софья Алексѣевна была замужемъ за графомъ Бобринскимъ и у нея также осталось трое дѣтей. Въ томъ же Покровскомъ доживалъ свой вѣкъ старый другъ семьи и управитель, довѣренное лицо Надежды Николаевны—Яковъ Игнатьевичъ Соловьевъ съ дочерью Маріей Яковлевной, дѣвицею. Постоянно проживалъ въ Покровскомъ бывшій владѣлецъ сосѣдняго села Дуброва—Д. Г. Бѣлавинъ. Жила тутъ и старая ключница Надежды Николаевны, бывшая актриса домашней труппы Василія Петровича, уже древняя старуха—Екатерина Петровна. И здѣсь, по обычаю прошлаго вѣка, процвѣталъ театръ и былъ домашній оркестръ. Здѣсь впервые прославилась музыкально даровитая семья Булаховыхъ. Въ домѣ было привольно и гостепріимно; на всемъ

лежалъ отпечатокъ того стародавняго житія, которое съ того времени постепенно все стирается, но не на благо: ни дворянству, ни крестьянству.

Покровский домъ былъ всегда открытъ для многочисленныхъ сосѣдей. Различія не дѣлалось чинамъ и положеніямъ: всѣмъ были рады, всѣ были гости дорогіе. И такъ было заведено изстари; преемственно поддерживался и прочно установился этотъ обычай въ Покровскомъ. Пировъ здѣсь не задавали, все было просто и безъ затѣй, а потому прочно и тепло. Крестьяне смотрѣли на Василія Алексѣевича, какъ на человѣка, къ которому во всякое время и каждый могъ прійти за совѣтомъ и указаніемъ. Василій Алексѣевичъ понималъ крестьянъ; умѣлъ говорить съ ними; многимъ помогалъ и внушалъ къ себѣ безграничное ихъ довѣріе.

Предводительская служба еще болѣе выдвинула его качества и расширила кругъ его полезной, существенной и непоказной дѣятельности.

Нельзя было ближе стоять къ народу;

нигдѣ сдвиненіе не выразилось такъ краснорѣчиво, какъ въ этихъ обоюдныхъ отношеніяхъ крестьянъ къ владѣльцу Покровскаго.

Громкихъ словъ за народъ тутъ не было, но было *дѣло*—и выражалось оно не однимъ Василиемъ Алексѣвичемъ, хотя конечно онъ былъ душою Покровскаго, какъ представительницею Покровскаго преданія была тетушка Екатерина Сергѣевна.

Въ разное время, лѣтомъ и осенью, пріѣзжалъ я въ Покровское. Здѣсь было и привольно и спокойно.

Помнится мнѣ одинъ пріѣздъ раннимъ лѣтомъ. Пріѣхалъ я случайно и неожиданно. Въ домѣ никого не было. Даже тетушка Екатерина Сергѣевна куда-то выѣхала.

На лицо оказались только меньшая ея дочь, да старуха Екатерина Петровна... Погода была теплая и ясная. Кругомъ тишина. Я помню, какъ на балконѣ передъ домомъ засталъ я двоюродную сестру за самоваромъ; старушка сидѣла рядомъ и что-то рассказывала; и помнится мнѣ, что я тогда же пожалѣлъ,

что некому было изобразить этотъ балконъ и тихій шумокъ самовара—и двоюродную сестру, и старушку.

Въ другой разъ прїѣхалъ я въ глухую осень. Въ этомъ году и зима была ранняя, и въ октябрѣ уже повалилъ снѣгъ. Собрались на охоту. Василий Алексѣевичъ любилъ псовую охоту. Графъ А. В. Бобринской и князь Н. И. Гагаринъ, владѣлецъ сосѣдняго Никольскаго—предпочитали ружейную. Тогда еще не было въ Покровскомъ стаи гончихъ, а были только борзые. Мальчишекъ собрали съ трещотками для облавы. Охотились въ Никольскихъ лѣсахъ. Завтракомъ распоряжался графъ Бобринской, а потому все было запасливо. Дамы Покровскаго общества сопровождали охотниковъ. Помнится мнѣ остановка въ Бороденкахъ—это скотный дворъ князя Н. И. Гагарина, построенный по образцу черноземнаго хутора. Здѣсь встрѣтили мы княгиню Гагарину съ дочерьми. Былъ тутъ и сынъ ея князь Викторъ Николаевичъ. Уѣздный врачъ К. М. Анастасьевъ, общій прїятель всѣхъ со-

сѣдей, также участвовалъ въ охотѣ. Для перваго раза впечатлѣніе было сильное. Я понималъ всѣ приманки этой потѣхи, хотя и не былъ охотникомъ. Мнѣ въ особенности нравилась обстановка: свѣжій лѣсной воздухъ, спѣжныя поляны, нависшія вѣтви старыхъ елей; глушь и просторъ, трескотня хлопункъ, звуки рога, волненія, споры и суетня, а въ заключеніе, живой и задушевный разговоръ за завтракомъ и все это гдѣ-нибудь на полянѣ или подѣ старыми соснами на опушкѣ рощи. Всѣмъ тепло, не смотря на свѣжій осенній воздухъ. Полушубки приспособлены; у Василия Алексѣевича ихъ цѣлый подборъ. Полушубокъ на бѣлицемъ мѣху, на овчинѣ, на лисьемъ, на песцовомъ, на недопескѣ и ни вѣсть на какомъ. Всѣ возвращаются домой, полные впечатлѣній и долго не умолкаютъ еще разговоръ за вечернимъ чаемъ или въ гостиной, гдѣ всѣ собираются вокругъ тетушки, всегда живо принимающей участіе во всѣхъ увеселеніяхъ и радостяхъ семьи.

Василій Алексѣевичъ—страстный охотникъ,

и давняя мечта его осуществилась. Онъ завелъ у себя гончихъ, построилъ псарню, развелъ хорошихъ собакъ. Онъ сталъ въ главѣ общества размноженія охотничьихъ промысловъ, издававшій прекрасный періодическій журналъ охоты, какъ приложение къ изданію „Природа“. Онъ видѣлъ въ этой чистой русской потѣхѣ, казалось, готовой было уступить мѣсто иноземному спорту противодѣйствіе — ненавистному ему подражанію всему чужому. Онъ задался мыслию всячески поддержать старую потѣху ловчую, столь сродную русскому человѣку, не забывающему дорогого завѣта: „дѣлу — время, а потѣхи — часть“.

Не разъ развивалъ онъ эту мысль и примѣнялъ ее къ другимъ явленіямъ. Но онъ не искалъ случая быть русскимъ, оно было ему ненужно. Онъ былъ русскій во всемъ значеніи этого слова и, притомъ, обаятельный человѣкъ. Любилъ я его кабинетъ въ Покровскомъ, гдѣ многое осталось еще, какъ было при его отцѣ. Старый сосновый письменный столъ, перегородка, портреты, какъ бы слу-

чайно повѣшанные. Здѣсь можно было встрѣтить разнообразное сочетаніе портретовъ: Василій Петровичъ, Надежда Николаевна, въ черныхъ простыхъ рамкахъ; декабристъ И. Д. Якушкинъ, бывший министръ Зеленой, графъ П. А. Толстой, литографированный портретъ графа Мусина-Пушкина въ кавалергардскомъ мундирѣ и съ надписью: „оригиналъ отъ оригинала, или лучшему изъ лучшихъ“; старый планъ Покровскаго, нѣсколько загрязненный мухами; старое бюро, съ хитрыми замками; диванъ съ широкой спинкой, на которомъ спалось такъ хорошо; цѣлое собраніе тростей, кистеней, папакъ; простые, сосновые глухіе шкафы, наполненные старыми книгами; доски для шапекъ, маленькія гравюры XVIII вѣка; папахи и мерлушичы шапки, старая мѣдь, дагерротипъ Алексѣя Васильевича и портретъ жены на письменномъ столѣ; толстые карандаши и гусинья перья; принадлежности охоты и столярный станокъ. Изъ всего гостепріимнаго Покровскаго дома эта комната была самая привольная; многимъ она памятна, многіе изъ нея вышли съ облегчен-

нымъ сердцемъ, ободренные и утѣшенные; для многихъ она служила тихимъ убѣжищемъ и покоемъ. Изъ трехъ большихъ ея оконъ открывался видъ на покатость луговины, на старья, посаженные Надеждой Николаевной деревья и на протекающую внизу рѣчку Озернѹ, за которою видѣются луга.

Озернѹ течетъ изъ близкаго Апофріевского озера живописными извилинами черезъ все Покровское.

Бобринскіе жили въ большой, средней комнатѣ верхняго этажа, съ балкономъ на рѣчку; но Алексѣй Васильевичъ устроилъ себѣ особое помѣщеніе для занятій и для фотографіи. Недалеко отъ большого дома, весь прикрытый стройной березовой рощей, стоялъ, окруженный простою изгородью одноэтажный небольшой деревянный домъ съ крытымъ балкономъ, на дверяхъ котораго висѣлъ затѣйливый старинный замокъ. Всего было четыре комнаты и чуланъ для фотографическихъ пособій. Стѣны деревянные сосновыхъ, мебель простая, покойная. Сюда послѣ кончины жены (1871) со-

всѣмъ переселился Алексѣй Васильевичъ и зажилъ своимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ. Онъ обсадилъ свой домикъ яблонями и разными выписными кустами и растеніями; боярышникъ разросся вдоль рѣшетки... И здѣсь, какъ вездѣ, гдѣ онъ жилъ — все тотъ же отпечатокъ, тѣ же всюду съ нимъ переѣзжающіе предметы: кровать подъ кисейнымъ пологомъ; столикъ для туалета, икона въ углу; тутъ же рядомъ буфетъ, а тамъ ледникъ. И здѣсь у него было запасливо, и эти запасы у него береглись на разные непредвидѣнные случаи.

Много пріятныхъ минутъ и отрадныхъ впечатлѣній связано съ этимъ домикомъ, и въ знойное лѣто, и въ глухую осень передъ огнемъ камина, и въ небольшой его столовой за позднимъ оживленнымъ и беззаботнымъ ужиномъ.

Я помню осеннюю ночь. Алексѣй Васильевичъ суетится и хлопочетъ. Передъ нимъ старикъ крестьянинъ, съ рыжей окладистой бородой. Это мѣстный рыболовъ и знатокъ своего дѣла, расторопный и смѣтливый, но горькій пьяница, имя ему — Морозъ. На эту

ночь предполагается рыбная ловля. Въ означенный часъ собираемся у рѣчки, недалеко отъ такъ называемаго серебрянаго бочага. Здѣсь она мельче и лучшія мѣста для охоты лученіемъ съ острогой. Плоскодонныя лодки стоятъ у берега. На кормѣ придѣлана жаровня: на ней наложены дрова и уголья. По два или по три человѣка садятся въ лодку. Время тихое ночное, свѣжій вѣтерокъ продуваетъ, но вамъ тепло. Тихо расходятся по мѣстамъ. Алексѣй Васильевичъ съ острогою въ рукахъ. Анна Алексѣевна ближе къ кормѣ—у нея острога съ тонкими и крѣпкими зубцами на мелкую рыбу. Огонь разгорается на жаровнѣ; всѣ говорятъ шопотомъ, чтобы не потревожить рыбу. Лодку оттолкнули, и медленно скользитъ она по извилинамъ тихоструйной Озерны, все дальше и дальше въ непроглядную темь, шурша осокой, и задѣвая за водныя травы. Купавки и водоросли мгновенно освѣщаются тлѣющимъ огонькомъ. Кругомъ тишина. Серебристое облачко заслоняетъ осенній мѣсяць... Ни звука... и вдругъ—дыханіе притаилось—что-то

плеснуло; быстро опущена острога и рыба трепещетъ у вашихъ ногъ.

Но пора домой. Въ комнатахъ графа Бобринскаго все готово. Столъ накрытъ и васъ согрѣваетъ теплый ужинъ—въ напиткахъ недостатка нѣтъ, бесѣда живая. И вы выносите свѣтлое, невзглядимое впечатлѣніе.

Цокровское можетъ похвалиться мѣстоположеніемъ. Домъ стоитъ на покатости, которая спускается къ Озернѣ. По сторонамъ его посажена стройная роща; она доходитъ до высокихъ крутыхъ береговъ рѣки. Впереди заливные дуга, и виднѣтся роща Мордовъ. Мельница стоитъ на рѣкѣ, и отъ нея ведетъ дорога въ усадьбу полями. Село расположено на возвышенномъ берегу, но его почти не видно. Церковь почти на краю села; когда-то она была ближе къ дому, тамъ, гдѣ теперь крестъ и памятникъ на мѣстѣ стараго алтаря. За селомъ тянутся поля до Михайловскаго лѣса и до Бутурова. Хозяйственныхъ построекъ много: конюшни, сарай, скотный дворъ, флигель для живущихъ, кухня, людская; особый флигелекъ у сада, гдѣ

помѣщаются гости, когда въ домѣ полно. За домикомъ графа Бобринскаго переходъ черезъ дорогу, и вы вступаете въ особый садъ, къ которому примыкають оранжереи и яблони, выходящія на подъѣздную дорогу изъ села въ усадьбу. Но въ той части сада, которая ближе къ дому графа Бобринскаго и тянется до вала, за которой покатость къ низминамъ рѣки— особенно хорошо.

Старый заглохшій прудъ остается влѣво; вы идете извилистыми тропинками довольно открытой поляной, изрѣдка обсаженной молодыми деревьями, лиственницею и пихтой. Это когда-то было мѣсто временного дома. Онъ простоялъ однако же лѣтъ тридцать и въ немъ жили постоянно зиму и лѣто. Съ этимъ домомъ связана вся жизнь въ Покровскомъ тетушки Екатерины Сергѣевны до ея вдовства. Любила она ходить сюда на старости лѣтъ — это мѣсто такъ и прозвали „маменькинъ садъ“. Она любовалась здѣсь закатомъ солнца. Мѣсто открытое, видъ широкій на дальнія деревни и села, и на высокую колокольню Ивойлова.

Когда-то около оранжерей устроены были кегли и здѣсь же дѣтскіе домики вьучать. Сады здѣсь глуше и старше и съ этого конца подходитъ прямо къ дому, и притомъ, къ окнамъ компаты, занимаемой тетушкой.

Самое главное торжество въ Покровскомъ — это храмовой праздникъ 1-го октября.

Къ этому дню ежегодно съѣзжались родные и гости. И такъ продолжалось изъ году въ годъ, и это было продолженіе другихъ десятковъ лѣтъ при другомъ поколѣніи. Сколько разъ бывалъ я на этомъ праздникѣ. Наканунѣ, все-нощной въ церкви нѣтъ, а справляется утренняя. Всенощная же на дому. Въ этотъ день, по давнему обычаю, поднимаютъ въ домъ храмовую икону Покрова. Кто-нибудь изъ дѣтей на рукахъ переноситъ икону въ домъ. Начинается всенощная въ столовой предъ образомъ Спасителя. Многіе уже на лицо; иные подъѣзжаютъ съ разныхъ сторонъ. Служитъ мѣстный причетъ. Священникъ о. Іаковъ Матѳіевъ, почтенный старецъ; діаконъ, худой и болѣзненный, также очень хорошій человѣкъ. Оба въ По-

кровскомъ уже давно; оба живутъ въ согласіи. Отецъ Іаковъ, первый ставленникъ епископа Дмитровскаго Исидора, нынѣ Новгородскаго митрополита. Служба идетъ чинно и стройно. Дружно поютъ и отчетливо тропарь праздника: „Днесъ благовѣрніи людіе свѣтло празднуемъ, осѣняеми Твоимъ Богомати пришествиемъ, и къ Твоему взирающе пречистому образу, умильно глаголемъ: покрый насъ честнымъ Твоимъ покровомъ, и избави насъ отъ всякаго зла, молящи Сына Твоего Христа Бога нашего, спасти души наша“, и трижды повторяется краснорѣчивый тропарь; и для жителей Покровскаго онъ полонъ особаго и глубокаго значенія. Обычное Богородичное Евангеліе, какъ и все, что читалъ о. Іаковъ было прочитано истово и съ должнымъ вниманіемъ. Невольно замѣтишь, бывало, какъ онъ произвольно предъ концемъ Евангелія останавливается за словами: „съ нею яко три мѣсяцы“, здѣсь о. Іаковъ цѣловаль Евангеліе, затѣмъ, уже продолжалъ обычнымъ возгласомъ: „возвратися въ домъ свой“. Послѣдніе годы дѣлалъ онъ эту разста-

повку еще ранѣе и все обращали вниманіе на эту перемѣну. Иногда останавливался онъ на словахъ: „Пребысть же Маріамъ“ и тогда уже прикладывался къ Евангелію и затѣмъ продолжалъ до конца. О. Іаковъ не любилъ, когда его задерживали, и послѣ всенощной торопился всегда домой. На слѣдующее утро была торжественная служба. Къ дому подъѣзжали экипажи разныхъ родовъ: линейки, колымаги, трепыхалки, двуколки, коляски и даже карета для ненастной погоды. Все постепенно направлялись въ церковь; многіе шли пѣшкомъ. Передъ церковною оградой на широкомъ проѣздѣ села уже разставлены были обычныя помостки и палатки для ежегоднаго въ этотъ день базара.

Церковь такъ полна, что съ трудомъ пройдешь на обычное мѣсто—на правую сторону за клиросомъ, гдѣ всегда становилась тетушка съ семьей. Сыновья и внуки въ этотъ день стоятъ на лѣвомъ клиросѣ. Подъѣзжаетъ становой, раздастся колокольчикъ исправника; съѣзжается чиновный людъ изъ Рузы и бли-

жайшіе сосѣди. Исправникъ Морибель, высокаго роста, спокойный и распорядительный. Въ церкви душно. Служба продолжительная. О. Іаковъ никогда не говоритъ: въ первыхъ помяни Господи... Господина нашего и т. д... А непременно скажетъ: и Господи на нашего и т. д. За причастнымъ стихомъ долго не отворяются Царскія двери—это издавна заведено о. Іаковымъ. Онъ не любитъ, когда пѣніе кончается скоро. Говорятъ, что графиня Пелагея Васильевна Муравьева знала эту привычку и увѣряла, что о. Іаковъ заснулъ. Но служилъ онъ хорошо, внимательно, съ глубокимъ чувствомъ и не рѣдко слезы были на глазахъ. Послѣ обѣдни—молебствіе передъ иконой съ многолѣтіемъ по чину. Всѣ прикладываются. Въ церкви мѣстныя иконы—всѣ почти подношенія семейныя, изображенія ангеловъ всѣхъ членовъ семьи. Послѣ каждой свадьбы подносится икона. Дядя Василій Сергѣевичъ отъ себя пожертвовалъ большую икону Знаменія. Моего подношенія—образъ Архистратига Михаила съ лампадой. Въ этотъ день, какъ и всегда послѣ

службы—всѣ спускаются въ склепъ и при-
кладываются къ могиламъ; потомъ обходятъ
могилы вокругъ церкви, гдѣ похоронены близкіе
люди. Здѣсь Яковъ Игнатьевичъ Соловьевъ съ
женой, дочерью Маріей Яковлевной; старая
нянька семьи Арина Ивановна и семья о.
Іакова. Всѣ спѣшаютъ домой, чтобы встрѣтить
духовенство.

Къ этому времени домъ уже наполнился
пріѣзжими съ разныхъ концовъ. Всѣ сидятъ
въ гостиной. Василій Алексѣевичъ размѣстилъ
иныхъ въ своемъ кабинетѣ; въ гостиной опре-
дѣлены мѣста: у тетушки, у Натальи Аванасьев-
ны, у Варвары Алексѣевны. Народу много и
приходятъ къ дому съ поздравленіемъ. Василій
Алексѣевичъ всѣхъ поздравляетъ и раздаетъ бѣд-
някамъ милостыню. Но вотъ докладываютъ, что
пришелъ батюшка, и всѣ направляются въ столо-
вую. Опять поютъ „Днесъ благовѣрніи людіе“,
потомъ прикладываются ко кресту. Всѣ другъ
друга поздравляютъ и идутъ въ гостиную. Но
еще ранѣе того, въ компаніѣ, что рядомъ съ
спальней тетушки, идетъ стражня. То Анна

Алексѣевна съ племянницами готовить приправу къ селедкѣ, которую подаютъ съ обычнымъ праздничнымъ пирогомъ. Пирогъ этотъ вносится въ гостиную. Тутъ же становится закуска и водка въ разныхъ видахъ. Всѣ проголодались и прикладываются усердно, и къ закускѣ, и къ водочкѣ, и къ пирогу. О. Іаковъ чинно беретъ себѣ одинъ кусокъ. Бесѣда его продолжается обычное время. Затѣмъ преподавъ благословеніе, онъ удаляется. Въ этотъ день ранній обѣдъ. Въ столовой накрытъ большой столъ во всю его длину, по бокамъ стоятъ запасные столы, на всякій случай, и они всегда бываютъ заняты. Во главѣ стола сидитъ тетушка Екатерина Сергѣевна и съ нею рядомъ Наталья Аванасьева. Прочіе сидятъ по возрасту, въ порядкѣ постепенности. Дѣти на концѣ или за другими столами. Василій Алексѣевичъ на противоположномъ концѣ стола, который подходитъ почти къ буфетному окну. Онъ занимаетъ гостей, прибывшихъ изъ Рузы, по собесѣдству. За столомъ подается шампанское. Всѣ встаютъ, цѣлуются и прежде всего поздравляютъ

тетушку. Разговоръ оживляется въ концу обѣда; всѣ чувствуютъ себя хорошо; никто не стѣсненъ—всѣ здѣсь дорогіе гости и знаютъ, что иначе быть не можетъ. Возвращаются въ гостиную, когда уже стемнѣло. Приносятъ ломберные столы для любителей, которыхъ всегда много. Разсаживаются по всѣмъ угламъ: кто въ гостиной, кто въ кабинетѣ Василя Алексѣевича. Домашняя наливка стоитъ на столѣ: густая и сочная вишневка отзывается косточкой. Настроеніе у всѣхъ праздничное и непринужденное. Многіе уѣзжаютъ до ночи, иные остаются ужинать и ночевать. Особенность Покровскаго, что за ужиномъ не накрывается скатерть и тарелки съ малиновыми узорами кладутся прямо на зеленое сукно.

Разнообразное въ этотъ день бываетъ общество въ Покровскомъ: чины полиціи, исправникъ Морибель, врачъ К. М. Анастасевъ, чиновные люди изъ Рузы, земцы, старикъ Барминъ, начальникъ уѣзднаго училища Меншиковъ, сосѣди, отставной гусарь — Алексѣевъ, владѣлецъ смежнаго села Козлова — Е. Н.

Рукинъ, С. С. Румянцевъ, высокаго роста, бѣлокурый молодой человекъ, помѣщикъ Благоской, дальній родственникъ Скрипицынъ изъ Немирова, дворянка Клеопатра Протопопова, Д. Г. Бѣлавинъ, братья Васильевы и многіе другіе.

Это было обычное общество Покровскаго; многихъ уже теперь нѣтъ, но всѣ они еще живо представляются въ моей памяти. Они придавали Покровскому мѣстную и живую окраску; они имѣли свое значеніе въ этомъ старомъ исконномъ дворянскомъ гнѣздѣ. Отымите эту обстановку, связанную со многими другими особенностями образа жизни и быта, и Покровское—безлично. Но все это еще держалось, потому что вѣрнымъ хранителемъ старины и преданій былъ Василій Алексѣевичъ.

Покровъ, какъ всѣ деревенскіе праздники на Руси, праздновался три дня. Но я забылъ сказать, что въ первый же день обязательно было ходить на ярмарку, когда она была въ полномъ разгарѣ. И въ этомъ обычаѣ окружать церковь помостками и лавочками, и со-

средоточить всю эту жизнь вокруг ея — видится глубокій смыслъ и единеніе. Весело, бывало, глядѣть на всеобщее оживленіе, шумный говоръ толпы, слышать крики мальчишекъ, а позднѣе пѣсни хороводныя и пляски—все это придавало особенную жизненность и искренность веселію этой разночинной, разнообразной толпѣ. Тутъ и нищіе, и юроды, и карлицы и убогіе; у всѣхъ довольныя лица—всѣмъ хорошо на праздникѣ.

Молодежь, бывало, соскучится, глядя на вытянутыя лица за зелеными столами. Кого-нибудь подобьютъ подойти къ фортепянамъ и начнутся игры и танцы, и долго не умолкаетъ веселіе; долго звучить еще фортепяно, или слышится пѣніе или пляска съ притоптываніемъ каблучковъ за мазуркою. Придетъ, бывало, и тетушка въ столовую послушать пѣніе или посмотрѣть на танцующихъ. Любила она видѣть, какъ молодость веселится.

Послѣ Покрова начиналось самое горячее время полевалій и отъѣзжихъ полей. Для дамъ устраивались охоты въ ближайшихъ окрестностяхъ.

Выѣздъ на охоту былъ событіемъ и объ немъ говорили по нѣскольку дней. Не разъ бывалъ я тутъ свидѣтелемъ и участникомъ. Наканунѣ еще много говорятъ о подвываніи волковъ. Весь вопросъ въ томъ: отозвались или не отозвались? Благопріятный отвѣтъ всѣхъ оживляетъ; всѣ готовятся къ раннему выѣзду въ поле. Всѣ распоряженія сдѣланы — кому какая лошадь, или свора: „Порхай“ или „Награждай“. А любимая борзая Василя Алексѣевича — „Мальчикъ“ при немъ неизмѣнно.

На разсвѣтѣ или раннимъ утромъ всѣ двигаются въ путь. Охота, то въ окрестностяхъ Никольскаго, то ближе, на мѣстахъ давно знакомыхъ. Это такъ-называемые „Ивойловскіе бугры“.

Самая обычная незатѣйливая и вполне дамская охота на такъ-называемой Борщовкѣ, по направленію къ Михайловскому лѣсу. Ызжали и черезъ хребтовую гору за Буторово къ Немрову.

Цѣлая вереница экипажей ожидаетъ у подъѣзда. Выѣзжаемъ. За селомъ встрѣчается стая

гончихъ въ полномъ составѣ: своры борзыхъ, выжлятники, доѣзжачій. „Въ стаю“, громко раздается голосъ послѣдняго и слышится рѣзкое щелканіе арапника. Охотники въ бурныхъ осеннихъ армякахъ, безъ всякихъ затѣй, по на хорошихъ выносливыхъ лошадяхъ. Свѣжее ясное утро дѣйствуетъ ободрительно.

Вотъ мы и на мѣстахъ. Дамы въ линейкахъ; по возможности становятся такъ, чтобы было кое-что видно. Подѣзжаютъ съ своими сворами сосѣдніе охотники: Васильевы, Рукинъ, даже и Бѣлавинъ верхомъ. И у него свора. Главный распорядитель Василій Алексѣевичъ... Изъ-за кустовъ выдѣляется испитой обликъ доѣзжачаго, Синицы, носъ у него багровый и глаза посоловѣли, но онъ въ дѣлѣ не промахъ. Быстро промчался онъ со всею стаей, чтобы занять указанный островъ. Вдоль опушки стоятъ на своихъ мѣстахъ охотники со сворами. Василій Алексѣевичъ на сѣромъ кабардинцѣ, въ темномъ армякѣ и въ бѣлой напахѣ. На немъ яркій желтоватый башлыкъ и въ рукѣ нагайка. Онъ объѣзжаетъ опушку и направ-

ляется въ липейкамъ, чтобы предупредить, что скоро начнется. Онъ очень хорошъ въ этомъ одѣяніи. На выразительномъ, смугломъ лицѣ его замѣтно удовольствіе. Онъ чувствуетъ себя дома и полнымъ хозяиномъ. И какъ идетъ ему этотъ русскій покрой и папаха! Какъ всё движеніе его просто. Не посрамилъ бы онъ собольниковъ Грознаго царя и самъ Тишайшій призналъ бы въ немъ добраго и настоящаго ловчаго. Всё на мѣстахъ; все въ ожиданіи замерло; издали доносятся неровные голоса гончихъ. То сильнѣе раздаются они порою, то опять стихаютъ и временами даже ничего не слышно. И вдругъ опять залились, и все дружиѣ переливы; все громче и громче—гонять! На сворахъ псовья, борзья, навострили уши и тянутся вдаль. Шопотомъ переговариваются на мѣстахъ. Слышится звонкое порсканіе выжлятниковъ и щелканіе арапника. Все сильнѣе и сильнѣе заливаются гончія. Это стройное и удивительное сочетаніе звуковъ. Въ немъ есть что-то тревожное, необъяснимо увлекательное, но хорошее и род-

ное. Вотъ раздаются протяжные звуки рога, то подается голосъ по „красному звѣрю“, — ближе и ближе все громче отчаянный неистовый гонъ. И вотъ мгновеніе... на опушкѣ показался матерой. Мѣрно, тяжелымъ налетомъ ломится онъ черезъ открытое поле. „Улюлю“, раздается пронзительный откликъ на опушкѣ лѣса и какъ стрѣла летятъ борзья на-встрѣчу. „Улюлю“, вторятъ съ другого конца и другія борзья несутся на перерѣзъ. Въ это время стая гончихъ вся уже на опушкѣ. Доѣзжачіе и выжлятники голосають, что есть силы и щелкають арашниками. Всѣ бросились въ одну сторону — еще мигъ — и борзья окружили волка — вотъ онъ рванулса и раненая въ кровь борзая опрокидывается съ пронзительнымъ визгомъ. Крѣпко защищается старый волкъ, но не одобровать ему. Уже всюду обступили его борзья. Быстро съ коня соскакиваетъ Василій Алексѣевичъ — и волкъ уже принять. Звучно гудятъ охотничіе рога. Сборъ. Всѣ съѣзжаются. На лицахъ оживленіе и радость. Разговорамъ нѣтъ конца. Все двинулось

въ путь занимать слѣдующій островъ и вновь пачать веселую потѣху.

Съ нетерпѣніемъ и не безъ волненія ожидаютъ въ Покровскомъ возвращенія охотниковъ. Тетушка идетъ на-встрѣчу и спрашиваетъ: все ли удачно. Разговорамъ нѣтъ конца. Всѣ веселы и благодушію нѣтъ предѣловъ...

А вечеромъ другая забава: соберутся гдѣ-нибудь на опушкѣ рощи и на луговинѣ около дома. Общее настроеніе праздничное. Здѣсь и прислуга вся доморощенная и всѣ живутъ съ незапамятныхъ временъ. Степенная Домна, сумрачная Клавдія, тутъ и бывший фореиторъ Надежды Николаевны, уже престарѣлый Николай, женатый на красавицѣ Алень. Онъ служитъ кучеромъ у тетушки, которая до смерти боится лошадей и только ему одному довѣряетъ. Ямщикъ Василія Алексѣевича, лихой наѣздникъ Василій Бабахинъ. Въ праздничные дни и у нихъ веселіе: пѣсни, хороводы, пляски. И строгая Клавдія расходится больше всѣхъ. Помнится мнѣ такой праздничный лѣтній вечеръ. Всѣ были въ сборѣ. Передъ до-

момъ горѣли костры; на разостланныхъ коврахъ разставлена посуда; всѣ сидятъ, какъ придется. Кто постарше, ближе къ балкону. Въ этотъ день была и тетушка Елисавета Сергѣевна. Я помню какъ она вдругъ смутилась и замолчала, а на глазахъ показались слезы: съ ней бывало это рѣдко. Разомъ припомнилось ей далекое прошлое и молодость и прежнее Покровское. Все по старому, на тѣхъ же мѣстахъ, но поколѣніе другое. И столькоихъ уже не доставало!

Второю дочерью тетушки Екаторины Сергѣевны — была графиня Софья Алексѣевна Бобринская — это было свѣтлое видѣніе и, какъ видѣніе, скрылась она отъ земли. Но кто зналъ ее, у того въ дуплѣ запечатлѣлось навсегда ея лучезарное отраженіе. Я вижу ее рѣзвымъ, красивымъ ребенкомъ на Воздвиженкѣ — въ бѣломъ коротенькомъ платьѣ съ розовыми крапинками. Потомъ шестнадцати лѣтъ невѣстою въ Петербургѣ, въ удѣльномъ домѣ Муравьевыхъ. Еще позднѣе — по возвращеніи изъ-за границы совершенною краса-

вицею, но кроткою, скорѣе молчаливою съ тихимъ ласковымъ обычаемъ; свѣтлою и радостною; во всемъ расцвѣтъ счастливой молодости. Въ 1871 году ее не стало.

Въ иномъ родѣ была старшая дочь Варвара Алексѣевна—родилась она въ Покровскомъ и рожденіе перваго ребенка было общею радостію. Обѣ бабушки: Варвара Петровна и Надежда Николаевна Шереметевы не могли на нее наглядѣться. Росла она въ Покровскомъ и воспитывала ее Анна Егоровна Швапъ, которая до старости дней прожила безвыѣздно въ Покровскомъ, гдѣ и скончалась, и погребена въ семейномъ склепѣ. Добрая, почтенная, но взыскательная и нѣсколько односторонняя, она въ послѣдніе годы совершенно уединилась...

Шестнадцать лѣтъ Варвара Алексѣевна жила съ моею матерью въ Кусковѣ; потомъ стала выѣзжать въ свѣтъ въ Москвѣ. Она любила общество и свѣтъ, и была красавицею. Портретъ ея работы — Винтергалтера вѣрно передаетъ ея черты. Разговоръ ея былъ ожив-

ленный и отличался блескомъ. Она вышла замужъ за графа В. А. Мусина-Пушкина; много путешествовала; жила за границей и въ Петербургѣ, и въ шестидесятыхъ годахъ вернулась въ Москву, гдѣ и поселилась въ домѣ Лопыревскаго, въ Козицкомъ переулкѣ, въ уютной и изящной квартирѣ, смежной съ помещеніемъ дяди Василя Сергѣевича. Варвара Алексѣевна не могла пройти безслѣдно въ обществѣ: у ней былъ особый даръ принимать и вести самый разнообразный разговоръ. Она могла быть и была хозяйкою того салона, о которомъ говоритъ князь Пётръ Андреевичъ Вяземскій. Необыкновенно чуткая и воспримчивая, она была музыкально и литературно развита, любила художества и живопись. Много видѣла она, много странствовала на своемъ вѣку; но усваивая съ необычайною легкостію все то, что ее занимало, она не переставала ни на минуту быть русской. Она не измѣняла церкви православной, не дѣлалъ уступокъ ни людямъ, ни духу времени. Она мѣтко и прекрасно выражалась, быстро схватывала, вни-

кала и понимала многія сложныя общественныя явленія. Быть можетъ, она была и причудлива, и неровна, а въ послѣдніе годы—это зависѣло отъ болѣзненнаго ея состоянія; но умъ у нея всегда былъ свѣтлый и ясный, а порывы ея горячаго сердца надо всѣмъ преобладали. Она, во всякомъ случаѣ, выдѣлялась изъ общаго уровня. Князь П. П. Вяземскій говорилъ, что онъ не встрѣчалъ подобной ей по блеску и умѣнью вести разговоръ. Она усвоивала въ себѣ все иновозное хорошее и необманчивое, нисколько не измѣняя себѣ. И въ этомъ, вполне примиримомъ сочетаніи и заключалась ея необычайная привлекательность. Она была коренною обитательницею Покровскаго и въ лицѣ ея, какъ и въ Василии Алексѣевичѣ олицетворялось все преданіе, вся связь съ прошлымъ поколѣніемъ, и быть можетъ, даже съ еще большими отгѣнками, доступными только такимъ исключительнымъ натурамъ, каковой была — Варвара Алексѣевна.

Мужъ ея, графъ Владиміръ Ивановичъ Мушинъ-Пушкинъ, когда-то кавалергардскій офи-

церь и полковой адъютантъ въ коронацію 1856 г.; потомъ долго былъ въ отставкѣ и только послѣдніе годы поступилъ на службу въ Москвѣ. Это была рѣдкая душа, благородная, чистая и возвышенная. Онъ не могъ себя передѣлать въ деревенскаго жителя, какъ о томъ не старался. Онъ былъ вполне горожаниномъ. Но въ Покровскомъ онъ мнѣ особенно памятенъ. Разъ какъ-то мы вмѣстѣ уѣхали изъ Покровскаго въ Можайскъ. Всю дорогу онъ много говорилъ и разговоръ этотъ остался у меня въ памяти.

Анна Егоровна Шванъ была неизбѣжною принадлежностью Покровскаго. Безгранично преданная семьѣ, она съ годами нѣсколько съезжилась уединенно жила въ непреступной комнатѣ верхняго этажа и рѣдко показывалась. Изъ дня въ день, изъ году въ годъ продолжался въ Покровскомъ все тотъ же порядокъ и обычай. Тетушка жила въ своихъ двухъ комнатахъ за корридоромъ, окнами въ садъ. Въ одной была ея спальня, въ другой — комната Анны Алексѣевны, которая перего-

родкою отдѣлялась отъ комнаты для прїѣзжихъ. Помѣщеніе тетушки носило особый и неизмѣнный отпечатокъ; легкая перегородка раздѣляла ее надвое. Кровать ея стояла у стѣны, на которой были портреты и образки. Тутъ же близко дверь въ корридоръ; за перегородкою, ближе къ окну, стояла обычная кушетка и кресло тетушки. Рядомъ у стѣны и письменный столъ, а насупротивъ у дверей въ сосѣдную комнату — пузатый старинный краснаго дерева комодъ, еще принадлежавшій Надеждѣ Николаевнѣ. Надъ нимъ висѣли масляные портреты: бабушки Екатерины Васильевны Шереметевой, Михаила Николаевича Муравьева, совсѣмъ молодого человѣка въ архалукѣ и жены его Пелагеи Васильевны въ русскомъ платьѣ. Въ сосѣдней комнатѣ еще хранилось допотопное кресло и висѣли портреты друзей Надежды Николаевны: Жуковскаго, Якушкина, Граббе, Муравьева. Тутъ же и масляный портретъ архимандрита Филарета (впослѣдствіи архіепископа Черниговскаго) еще молодымъ человѣкомъ.

Въ любое утро, когда зайдешь бывало къ

тетушкѣ, неизбежно можно было встрѣтить одно и тоже. Еще не одѣтая, въ легкомъ шерстяномъ халатѣ сидитъ она въ креслахъ, пьетъ кофе и закуриваетъ папирской. Ежедневно является къ ней уже совершенно слѣпая Екатерина Петровна. Ее вводитъ подъ руки Домна. Постепенно приходятъ затѣмъ всѣ члены семьи. Тотъ же неизмѣнный обычай и по вечерамъ. Въ домѣ уже все улеглось, а тетушка еще не спитъ. До послѣдняго времени любила она читать и зачитывалась иногда, одинаково интересуюсь, болѣе серьезнымъ чтеніемъ, какъ и живымъ увлекательнымъ романомъ. Всѣ заходили къ ней проститься. По праздникамъ эти вечернія сидѣнія продолжались дольше обыкновеннаго. И попривычкѣ она даже не чувствовала утомленія.

Въ комнатахъ Варвары Алексѣевны въ верхнемъ этажѣ, съ видомъ на рѣку, гдѣ жила она до послѣдняго времени, чувствовалась какъ-то особенно хорошо, это былъ особый мірокъ, вполне согласный и созвучный общему строю Покровскаго, хотя и выдѣляющійся изъ него

своими особенностями. Здѣсь въ двухъ комнатахъ, съ видомъ на Озерну́ и за пріобрѣтенною ею смежною землею Моровъ, доживала послѣдніе годы свои Варвара Алексѣевна, обуреваемая житейскими заботами и тревогами, но сильная духомъ и сознаниемъ долга. Пріобрѣтеніе Моровъ доставило ей утѣшеніе, и освѣтило будущее...

Люблю я очень мельницу на Озернѣ тамъ, гдѣ земли сходятся съ землею Гагаринныхъ; люблю и всю дорогу въ Никольское; сосновую рощу у Бороденовъ и отдѣльныя группы деревьевъ среди полей, и рощу на склонѣ Озерны.

Сюда часто приходили ловить рыбу на удочку. А дорога уносила въ другія отдаленнѣйшія воспоминанія... Оглянешься, бывало, въ сторону Покровскаго, когда уѣзжаешь изъ него; сквозь просѣку ясно отдѣляется кирпичный домъ съ зеленою крышою. Балконъ уставленъ зеленью и кто-то стоитъ на балконѣ и машутъ вамъ издали платками. И прощаясь съ Покровскимъ, и съ его обитателями, все думалось о томъ, какъ бы вернуться къ нему.

И мы теперь простимся съ старымъ Покровскимъ. Сознаемъ, что послѣ столькихъ перемѣнъ и утратъ, невозможно воскресить прошлаго, но пожелаемъ, чтобы отраженіе этого стараго Покровскаго сохранилось, чтобы духъ его не угасъ, тогда и возрожденіе его возможно. Пушкинъ, когда-то посвятившій владѣльцу Покровскаго—Алексѣю Васильевичу Шереметеву—стихъ свой, не могъ тогда повторить здѣсь горькаго и часто справедливаго упрека:

„Мнѣ жаль . . . . .
Что не живемъ семейо дружной,
Въ довольствѣ, въ тишинѣ досужной,
Старѣя близъ могилъ родныхъ
Въ своихъ владѣнняхъ родовыхъ“.

Графъ Серій Шереметевъ.

С.-Петербургъ.
Феврала 1891 года.

RVC - 891
Шереметев-3

R 12.510

RVC-891

Шереметев-3

R 12.510